

УДК 347.68
DOI 10.52452/19931778_2023_5_147

РИСКИ В НАСЛЕДСТВЕННОМ ДОГОВОРЕ: ОПРАВДАНО ЛИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ?

© 2023 г.

Н.Е. Сосипатрова

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

sosipatrova@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.09.2023

Анализируются предусмотренные законодательством риски в наследственном договоре, определяются их последствия, дается правовое обоснование для включения рисков в конструкцию наследственного договора, при этом высказывается мысль о несогласованности ряда норм наследственного права с общими положениями об обязательствах. Законодательно закрепленные риски в российской модели наследственного договора сопоставляются с решением этого вопроса в зарубежных правовых порядках. Делается вывод о том, что установленные российской правовой системой риски в наследственном договоре нарушают принцип стабильности договорных отношений, создают неравенство в правовом положении сторон и делают данную конструкцию мало привлекательной для будущего наследника.

Ключевые слова: наследственный договор, риски будущего наследника, дисбаланс в правовом положении сторон договора, риски в моделях наследственного договора в зарубежных правовых порядках.

Введение

Наследственный договор как еще одно основание наследования, наряду с традиционными – наследованием по завещанию и по закону, был включен в правовую систему России Федеральным законом от 19 июля 2018 г. № 217 «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» [1], вступившим в силу 1 июня 2019 года. Еще на стадии обсуждения законопроекта данная договорная конструкция подвергалась справедливой критике как по юридико-техническим соображениям, так и с точки зрения ее концептуальной обоснованности [2, с. 122–130; 3, с. 3–13; 4, с. 31–37]. Некоторые замечания, высказанные в ходе обсуждения законопроекта юридическим сообществом, были учтены, однако действующая редакция закона не лишена ряда недостатков. Одним из них, на наш взгляд, весьма существенным, является дисбаланс в правовом положении сторон наследственного договора, что выражается в возложении на одного из контрагентов нескольких рисков. Чтобы установить их суть и постараться объяснить причину возникновения в данной договорной конструкции, обратимся к определению наследственного договора.

Как вытекает из абз. 1 п. 1 ст. 1140.1 Гражданского кодекса РФ [5] (далее – ГК РФ), наследодатель вправе заключить с любым из лиц, которые могут призываться к наследованию, договор, условия которого определяют

круг наследников и порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к пережившим наследодателя сторонам договора или к пережившим третьим лицам. В соглашении могут также содержаться условия, возлагающие на участвующих в договоре лиц, которые могут призываться к наследованию, обязанность совершить какие-либо не противоречащие закону действия имущественного или неимущественного характера, в том числе исполнять завещательные отказы или завещательные возложения.

Условия наследственного договора можно разделить на два вида. К первому виду относятся условия, определяющие круг наследников и порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти¹. Ко второму – условия, возлагающие на будущего наследника обязанность совершить какие-либо действия как до, так и после открытия наследства. Первый вид условий относится к категории существенных. Второй – к числу факультативных, но без них заключение наследственного договора во многом теряет смысл, так как если ограничить условия договора только определением круга наследников и состава наследственного имущества, то можно воспользоваться традиционной формой волеизъявления – завещанием.

Условия, предписывающие будущему наследнику совершить какие-либо не противоречащие закону действия, могут состоять из обязанности по содержанию наследодателя или указанного им лица (например, его ребенка), по выплате

единовременно либо периодически определенной денежной суммы, по оказанию помощи в ведении домашнего хозяйства, организации и оплате отдыха, лечения и др. Таким образом, будущий наследник, указанный в договоре, может нести при жизни наследодателя определенные расходы в расчете после смерти последнего возполнить их за счет наследуемого имущества. Между тем некоторые нормы ст. 1140.1 ГК РФ возлагают на контрагента наследодателя ряд рисков, которые лишают его гарантии получения наследства, указанного в договоре, превращая для него наследственный договор в алекторную сделку. Какие же риски возлагает закон на контрагента наследодателя?

Риски в российской модели наследственного договора

1. *Риск одностороннего немотивированного отказа от договора со стороны наследодателя* (абз. 1 п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ). Отказ осуществляется путем нотариально удостоверенного уведомления об этом другой стороны. Что касается аналогичного права контрагента наследодателя, то ст. 1140.1 ГК РФ не предоставляет ему такое право, но при этом указывает, что сторона наследственного договора вправе совершить односторонний отказ от договора «в порядке, предусмотренном законом или наследственным договором» (абз. 3 п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ). Однако для того чтобы реализовать данное право в установленном законом порядке, требуются правовые основания. Гражданский кодекс таких оснований не называет, а договором они могут быть установлены лишь в обязательстве, связанном с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности (п. 1 и 2 ст. 310 ГК РФ). Обязательство, порожденное наследственным договором, трудно отнести к сфере предпринимательской деятельности, поэтому в данном соглашении не могут быть установлены случаи (основания) одностороннего отказа от договора контрагентом наследодателя [6, с. 37]. Такая несогласованность специальной нормы, предусматривающей установленную договором возможность отказа от исполнения обязательства контрагентом наследодателя (абз. 3 п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ), и нормы ст. 310 ГК РФ, формулирующей общее правило о недопустимости одностороннего отказа от договора, не связанного с предпринимательской деятельностью, – не единственный недостаток юридической техники, допущенный законодателем в ст. 1140.1 ГК РФ.

В качестве меры, направленной на защиту имущественного интереса будущего наследника

при одностороннем отказе наследодателя от договора, закон предоставляет ему право требовать возмещения убытков, которые возникли у него в связи с исполнением наследственного договора к моменту получения копии нотариально удостоверенного уведомления об отказе от договора (абз. 2 п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ). Однако данную норму вряд ли можно признать действенной защитой интересов будущего наследника.

Во-первых, будущий наследник может длительное время совершать действия личного характера, которые трудно поддаются денежной оценке (например, организовывать его досуг, осуществлять общий уход за наследодателем, оказывать ему помощь в ведении хозяйства, выполнять частные поручения).

Во-вторых, если контрагент наследодателя, исполняя договор, несет имущественные расходы, доказательство их размера может вызвать определенные трудности. Для заявления соответствующих требований следует сохранять чеки, квитанции об оплате товаров, услуг, брать расписки в их получении от наследодателя и заранее собирать иные доказательства понесенных затрат. Поскольку наследником определяется, как правило, близкий наследодателю человек (чаще всего – родственник), рекомендовать ему собирать доказательства понесенных затрат на исполнение договора представляется неэтичным.

В-третьих, сторона наследственного договора вряд ли будет заранее собирать доказательства произведенных затрат, так как не рассчитывает на отказ от договора наследодателем. Если бы у нее были сомнения в стабильности договорного обязательства, целесообразнее было бы заключить договор ренты, который также направлен на приобретение имущества в собственность, однако по нему право собственности на имущество переходит с момента его передачи (если отчуждается недвижимое имущество – с момента государственной регистрации перехода права собственности), а не после смерти получателя ренты. К тому же в отличие от наследственного договора Гражданский кодекс не допускает односторонний немотивированный отказ ни от договора пожизненной ренты, ни от пожизненного содержания с иждивением ни для одной из сторон.

Некоторые исследователи, отмечая сходство наследственного договора с договором пожизненного содержания с иждивением, полагают, что наследственный договор в большей степени защищает наследодателя, позволяя сохранить право собственности на принадлежащее ему имущество в течение всей жизни [7, с. 22–23].

Другие авторы, разделяя такую точку зрения, считают, что это обстоятельство, «как подразумевается, будет дисциплинировать приобретателя» [8, с. 233]. При этом не учитывается допущенная законодателем диспропорция в правовом положении сторон наследственного договора.

Предоставление права одностороннего немотивированного отказа от договора лишь одной из сторон – наследодателю – объясняется тем, что в наследственном договоре переплетаются договорное начало с завещательным распоряжением, а последнее, являясь односторонней сделкой личного характера, может быть изменено или отменено в любое время без указания причины и без чьего-либо согласия, в том числе лиц, назначенных наследниками (п. 1 и 2 ст. 1130 ГК РФ). Но то, что согласуется с правовой природой завещания, не вполне соответствует принципам договорного права, одним из которых является правовое равенство сторон.

2. *Риск отчуждения наследодателем наследственного имущества.* Согласно п. 12 ст. 1140.1 ГК РФ, «после заключения наследственного договора наследодатель вправе совершать любые сделки в отношении принадлежащего ему имущества и иным образом распоряжаться принадлежащим ему имуществом своей волей и в своем интересе, даже если такое распоряжение лишит лицо, которое может быть призвано к наследованию, прав на имущество наследодателя». Причем если при отказе от договора наследодатель обязан возместить другой стороне убытки, которые она понесла в связи с исполнением договора, то в случае распоряжения принадлежащим наследодателю имуществом закон не предусматривает какой-либо компенсации контрагенту по договору.

В процессе обсуждения законопроекта высказывалось предложение: при отчуждении наследодателем имущества, включенного в наследственный договор, возложить на него обязанность компенсировать реальные расходы наследника, связанные с добросовестным исполнением им своих обязанностей по договору [9, с. 138]. В данном случае имеется в виду ситуация, когда контрагент наследодателя, исполнивший имущественные обязанности в пользу последнего, обнаружил факт отчуждения имущества при жизни наследодателя. Однако данный факт может быть установлен и после открытия наследства.

С целью защиты имущественных интересов контрагента наследодателя в юридической литературе было также предложено рассматривать отчуждение всего имущества или значительной его части наследодателем в качестве основания для расторжения наследственного договора в

связи с существенным изменением обстоятельств [10, с. 16]. Такое решение вопроса представляется справедливым и не противоречащим требованиям ст. 451 «Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств» ГК РФ. Воспримет ли его судебная практика, покажет время, но на сегодняшний день это единственная мера защиты имущественных интересов контрагента при отчуждении наследодателем наследственного имущества или его значительной части. Однако так же, как и первое предложение, оно рассчитано на решение вопроса при установлении факта отчуждения имущества до открытия наследства и не защищает будущего наследника, добросовестно исполнявшего договорные обязательства и обнаружившего явное несоответствие наследственной массы составу имущества, указанного в договоре.

Возложение на будущего наследника риска отчуждения наследодателем наследственного имущества, так же как и первый из названных рисков, объясняется двойственной природой данного договора, в котором элементы завещательного распоряжения играют ключевую роль. Поэтому лишение наследодателя права распоряжаться своим имуществом после заключения наследственного договора противоречило бы основам как наследственного права, так и права собственности, однако при этом положение п. 12 ст. 1140.1 ГК РФ недопустимо снижает степень связанности одной из сторон (наследодателя) в договорном обязательстве.

3. *Риск наличия обязательных наследников.* В силу абз. 1 п. 6 ст. 1140.1 ГК РФ условия наследственного договора действуют в части, не противоречащей правилам об обязательной доле в наследстве. Это означает, что, независимо от содержания наследственного договора, из наследственного имущества должна быть выделена доля обязательным наследникам, которая составляет не менее половины доли, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону (п. 1 ст. 1149 ГК РФ). В виде смягчения бремени данного риска установлено правило: если право на обязательную долю в наследстве появилось после заключения наследственного договора, предусмотренные договором обязательства наследника уменьшаются пропорционально уменьшению части наследства, причитающейся ему после удовлетворения права на обязательную долю в наследстве (абз. 2 п. 6 ст. 1140.1 ГК РФ).

Редакция приведенной нормы не позволяет однозначно ответить на вопрос, о каких договорных обязательствах наследника идет речь – о тех, которые должны быть исполнены до или

после смерти наследодателя? Ответ на этот вопрос дает системное толкование норм абз. 2 п. 6 ст. 1140.1 и п. 9 ст. 1140.1 ГК РФ. В соответствии с последней из названных норм изменение (или расторжение) наследственного договора допускается только при жизни его сторон по их соглашению или на основании решения суда в связи с существенным изменением обстоятельств, в том числе в связи с выявившейся возможностью призвания к наследованию лиц, имеющих право на обязательную долю в наследстве. Таким образом, по смыслу данной нормы, уменьшение обязательства наследника в связи с выявившейся возможностью призвания к наследованию обязательных наследников может быть в отношении обязательства, исполняемого при жизни наследодателя.

Такое законодательное решение вызывает критическое замечание. Круг обязательных наследников (так же как иных граждан, призываемых к наследованию) определяется на день открытия наследства (абз. 1 п. 1 ст. 1116 ГК РФ). С момента заключения наследственного договора до смерти наследодателя можно говорить лишь о потенциальных обязательных наследниках. При жизни наследодателя это «подвижная» категория. Например, после заключения наследственного договора у наследодателя стал нетрудоспособным отец и впоследствии наследодатель взял на иждивение своего 14-летнего брата. Таким образом, после заключения договора у наследодателя появились два лица, которые впоследствии могли бы быть обязательными наследниками. Однако ко времени открытия наследства отец наследодателя умер, а брат достиг 18-летнего возраста, поэтому обязательные наследники ко дню смерти наследодателя отсутствовали. Этот пример говорит о том, что лица, которые, возможно, будут иметь право на обязательную долю в наследстве, могут не входить в круг обязательных наследников на день открытия наследства. Поэтому изменять условия договора, снижая обязательства контрагента наследодателя, в связи с гипотетической возможностью уменьшения в будущем его доли в наследстве представляется необоснованным.

Кроме того, норма п. 9 ст. 1140.1 ГК РФ не согласуется с общей нормой, регулирующей изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств (ст. 451 ГК РФ). Согласно общему правилу, заинтересованная сторона вправе требовать изменения или расторжения договора при условии, что существенное изменение обстоятельств, которое влечет для нее неблагоприятные имущественные последствия, уже произошло, а не произой-

дет в будущем, тем более – с неопределенной степенью вероятности.

4. *Риск заключения нескольких наследственных договоров, предметом которых явилось одно и то же имущество, с разными лицами.* В случае принятия ими наследства подлежит применению тот наследственный договор, который был заключен ранее (абз. 2 п. 8 ст. 1140.1 ГК РФ). Закон обходит молчанием вопрос о судьбе последующих договоров. Видимо, каждый последующий договор следует квалифицировать как неисполненный, что, по общему правилу, влечет возмещение понесенных контрагентом убытков (п. 1 ст. 393 ГК РФ). Следуя логике абз. 2 п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ, можно предположить, что речь должна идти лишь об убытках, вызванных исполнением контрагентом наследственного договора, то есть о реальном ущербе, но не об упущенной выгоде в виде неполученного наследства.

Возможность заключения нескольких наследственных договоров соответствует правилу наследственного права о возможности совершения нескольких завещаний (ст. 1130 ГК РФ). Однако наследственный договор, как уже не раз отмечалось, регулирует не только наследственные отношения, но и обязательственно-правовые, которые связывают стороны взятыми на себя обязательствами и предполагают их надлежащее исполнение. Действие стороны, которая после заключения договора заключает такой же договор с другим лицом, признаются недобросовестным поведением с точки зрения обязательственного права, ибо добросовестность сторон при установлении и исполнении обязательства предполагает учитывать права и законные интересы друг друга (п. 3 ст. 307 ГК РФ).

Риски, предусмотренные нормами ст. 1140.1 ГК РФ, содержат опасность при надлежащем исполнении договора будущим наследником не получить после смерти наследодателя предусмотренного договором наследственного имущества либо получить его в гораздо меньшем размере, тем самым делают для него наследственный договор мало привлекательной конструкцией. Между тем не все из рассмотренных выше рисков вытекают из правовой природы наследственного договора и являются его обязательным элементом. Они включены в российскую модель данного договора. Вместе с тем зарубежные правовые порядки знают и другие концепции наследственного договора, в которых вопрос о рисках решается иначе.

Риски в моделях наследственного договора европейских стран

В странах германской ветви континентального права наследственный договор представ-

ляет собой безотзывное завещательное распоряжение, возникающее в результате вступления будущего наследодателя в соглашение, определяющее судьбу наследства. Указание на безотзывность завещательного распоряжения означает, что наследодателю не предоставляется право одностороннего немотивированного отказа от договора. Согласно Германскому гражданскому уложению [11] (далее – ГГУ), одностороннее отступление завещателя от договора возможно в случаях, когда такое право ему предоставлено в самом договоре о наследовании либо при совершении будущим наследником недостойного поступка в отношении наследодателя (§ 2293 и 2294 ГГУ).

Так же как в российской модели наследственного договора, заключение такого договора в Германии не препятствует наследодателю совершать распорядительные сделки с наследственным имуществом, указанным в договоре. Однако ГГУ обязывает не злоупотреблять имеющейся возможностью распоряжаться своим имуществом. Если наследодатель совершил дарение с целью причинить вред наследнику, то в течение трех лет с момента получения наследства наследник может потребовать вернуть дар по правилам о неосновательном обогащении (§ 2287 ГГУ).

Гражданский кодекс Чешской Республики [12] (далее – ГК ЧР) определяет более конкретные границы в распоряжении имуществом, указанным в наследственном договоре. Не устанавливая общего запрета на распоряжение, закон ограничивает права наследодателя в составлении завещания и в заключении договора дарения в отношении данного имущества. При совершении указанных сделок наследник по договору может требовать признания их недействительными (§ 1588 ГК ЧР).

Венгерское законодательство допускает ограничение свободы распоряжения имуществом, указанным в наследственном договоре, если наследодатель в течение своей жизни получал от контрагента встречное предоставление (§ 7:48 и 7:50 Гражданского кодекса Венгрии [13]). Данное положение, включенное в наследственный договор, существенно улучшает положение будущего наследника, избавляя его от одного из главных рисков – неполучения (или получения в меньшем размере) наследственного имущества при добросовестном исполнении своих обязанностей по договору.

Еще более жесткое ограничение свободы распоряжения имуществом и, соответственно, более надежные гарантии охраны интересов будущего наследника содержит Гражданский закон Латвийской Республики [14] (далее – ГЗ ЛР), согласно которому отчуждение недвижимо-

мого имущества, передача его в залог и иное обременение права собственности на него возможно только с согласия наследника по договору (ст. 649 ГЗ ЛР). Право распоряжения движимым имуществом сохраняется за наследодателем, если иное не предусмотрено договором. При этом оно не должно реализоваться с явной целью лишить наследника права на это имущество. Наследник еще при жизни наследодателя может оспорить сделку по отчуждению имущества, указанного в договоре. Более того, «если наследодатель необдуманными расходами уменьшает свое имущество настолько, что по закону вследствие его распутного или расточительного образа жизни над ним может быть установлено попечительство, то можно требовать его установления» (ст. 648 ГЗ ЛР).

По латвийскому законодательству назначение наследника по договору не может быть отменено в одностороннем порядке, если только наследодатель не оставил за собой права иначе распорядиться наследственным имуществом (ст. 647 ГЗ ЛР). Заметим, что латвийская модель наследственного договора не допускает односторонний отказ от договора и для наследника, если даже он не принял на себя никаких обязательств по договору (ст. 650 ГЗ ЛР), что свидетельствует о превалировании в данной ситуации правил обязательственного права над положениями наследственного права.

С точки зрения минимизации рисков в наследственном договоре особое место занимает Гражданский кодекс Украины [15] (далее – ГК Украины). Согласно его положениям, на имущество, определенное в наследственном договоре, нотариус, который удостоверил этот договор, налагает запрет отчуждения (ст. 1307 ГК Украины). Таким образом, собственник, заключив наследственный договор, «остается лишь владельцем и пользователем конкретного имущества, добровольно лишая себя права им распоряжаться, в том числе и составлять завещание на указанное в наследственном договоре имущество» [16, с. 7].

Право одностороннего отказа от договора не предоставлено ни одной из сторон. Договор может быть расторгнут только в судебном порядке: по требованию отчуждателя имущества – в случае невыполнения другой стороной его распоряжений, и по требованию приобретателя – при невозможности выполнения им распоряжений отчуждателя (ст. 1308 ГК Украины).

Такой подход объясняется своеобразием правовой природы украинской модели данного договора. Его природа связана с тем, что «данный правовой институт опосредует не наследственные права, а исключительно обязательственные

отношения между сторонами» [17, с. 43]. Иными словами, приобретатель становится собственником имущества, указанного в наследственном договоре, после смерти отчуждателя, не становясь правопреемником в наследственных отношениях, поэтому он не несет не только названные выше риски, но и риск наличия обязательных наследников, риск конкуренции с кредиторами умершего отчуждателя имущества, его нельзя лишить приобретения права собственности после смерти отчуждателя как недостойного наследника. По справедливому замечанию Л.С. Будылина и Е.Ю. Петрова, украинская модель наследственного договора «экономически может быть по-смертной куплей-продажей, рентой или отягощенным модусом дарением» [18, с. 604]².

Выводы

Как вытекает из краткого обзора законодательства ряда европейских стран, правовые предписания, регулирующие исполнение наследственного договора, в той или иной мере гарантируют стабильность договорных отношений, не допуская или ограничивая возможность одностороннего отказа от договора со стороны наследодателя, а также устанавливая для него границы в распоряжении имуществом, составляющим предмет наследственного договора. Это приводит к выводу о том, что риски, возложенные на будущего наследника по российскому законодательству, не являются обязательными элементами данной правовой конструкции, а представляют собой следствие концептуального подхода законодателя к модели наследственного договора. В таком объеме они представляются неоправданными, поскольку нарушают принцип стабильности договорных отношений, принцип правового равенства сторон и создают опасность сделать наследственный договор не востребованным на практике.

Примечания

1. Формулировку закона об условиях, определяющих порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти, нельзя признать корректной, поскольку смысл наследственного договора – в распоряжении своим имуществом или его частью *in mortis sause* (на случай смерти), а порядок перехода прав на наследственное имущество определяется императивными нормами Гражданского кодекса и не может быть изменен наследственным договором.

2. В основу первого российского законопроекта, содержавшего нормы о наследственном договоре, была положена украинская модель данного договора. Законопроект вызвал немало обоснованных замечаний и возражений, что требовало его глубокой, тщательной переработки, и в 2015 году он был отозван его инициа-

торами. В новом законопроекте № 801269-6 была изменена концепция наследственного договора, она стала ближе к немецкой модели, хотя и отличается от нее по ряду моментов.

Список литературы

1. Собрание законодательства РФ. 2018. № 30. Ст. 4552.
2. Белоотченко Е.А. Наследственный договор в рамках реформирования российского наследственного права // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 2 (48). С. 122–130.
3. Долинская В.В. О тенденциях развития и проблемах наследственного права России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 10. С. 3–13.
4. Михайлова И.А. Наследственный договор: достоинства и недостатки // Нотариальное право. 2018. № 4. С. 31–37.
5. Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
6. Сосипатрова Н.Е. Наследственный договор: критический взгляд на правовую конструкцию // Lex Russica. 2021. Т. 74. № 11. С. 30–38.
7. Золотухин Д.Г. Новелла российского законодательства – наследственный договор // Отечественная юриспруденция. 2018. № 7 (32). С. 19–23.
8. Алексикова О.Е., Мельник Е.А. Перспективы развития институтов наследственного договора и совместного завещания супругов в российском наследственном праве // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12. № 1. С. 231–236.
9. Гребенкина И.А. Совершенствование наследственного права: все ли предлагаемые изменения обоснованы? // Lex Russica. 2016. № 11 (120). С. 135–142.
10. Папушина Н.Ю. Наследственный договор: перспективы появления в российском наследственном праве // Нотариальный вестник. 2016. № 3. С. 15–20.
11. Германское гражданское уложение [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
12. Гражданский кодекс Чешской Республики. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
13. Гражданский кодекс Венгрии [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
14. Гражданский закон Латвийской Республики [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
15. Гражданский кодекс Украины [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
16. Матвеев И.В. Наследственный договор: зарубежный опыт и перспективы появления в гражданском праве Российской Федерации // Российская юстиция. 2015. № 1. С. 6–9.
17. Кухарев А.Е. Концепция наследственного договора в гражданском законодательстве Украины // Наследственное право. 2016. № 3. С. 41–47.
18. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. Е.Ю. Петров. М.: М-Логос, 2018. Электронное издание. Редакция 1.0. 656 с.

RISKS IN THE INHERITANCE CONTRACT: IS THE LEGISLATIVE SOLUTION JUSTIFIED?*N.E. Sosipatrova*

In the article the legislative risks regarding the inheritance contract are analyzed, their consequences are determined, legal ground for inclusion of such risks in the inheritance contract is found, meanwhile a suggestion is made regarding non-compliance certain legal provisions of the inheritance law with the general provisions on obligations. The legally formalized risks in the Russian model of the inheritance contract are compared to the solutions of the said issue in the foreign jurisdictions. It is concluded that the risks formalized in the Russian legislation in the inheritance contract violate the principle of the stability of the contractual relations, create inequality of the parties' legal position and therefore make such framework unattractive for the future heir.

Keywords: inheritance contract, risks of the future heir, disbalance of the legal position of the contractual parties, risks in the inheritance contracts in the foreign jurisdictions.

References

1. Collection of legislation of the Russian Federation. 2018. № 30. Art. 4552.
2. Belotchenko E.A. Inheritance contract within the framework of reforming the Russian inheritance law // Leningrad Law Journal. 2017. № 2 (48). P. 122–130.
3. Dolinskaya V.V. On the development trends and problems of inheritance law in Russia // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2018. № 10. P. 3–13.
4. Mikhailova I.A. Inheritance contract: advantages and disadvantages // Notary law. 2018. № 4. P. 31–7.
5. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. № 49. Art. 4552.
6. Sosipatrova N.E. Hereditary contract: a critical look at the legal structure // Lex Russica. 2021. Vol. 74. № 11. P. 30–38.
7. Zolotukhin D.G. Novella of Russian legislation – hereditary contract // Paternal jurisprudence. 2018. № 7 (32). P. 19–23.
8. Alexikova O.E., Melnik E.A. Prospects for the development of institutions of inheritance contract and joint will of spouses in Russian inheritance law // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2017. Vol. 12. № 1. P. 231–236.
9. Grebenkina I.A. Improvement of inheritance law: are all the proposed changes justified? // Lex Russica. 2016. № 11 (120). P. 135–142.
10. Papuschina N.Yu. Inheritance contract: the prospect of appearing in Russian inheritance law // Notary Bulletin. 2016. № 3. P. 15–20.
11. German civil code [Electronic resource] // LRS «ConsultantPlus». URL: <http://www.consultant.ru>.
12. Civil Code of the Czech Republic. [Electronic resource] // LRS «ConsultantPlus». URL: <http://www.consultant.ru>.
13. The Civil Code of Hungary [Electronic resource] // LRS «ConsultantPlus». URL: <http://www.consultant.ru>.
14. Civil Law of the Republic of Latvia [Electronic resource] // LRS «ConsultantPlus». URL: <http://www.consultant.ru>.
15. The Civil Code of Ukraine [Electronic resource] // LRS «ConsultantPlus». URL: <http://www.consultant.ru>.
16. Matveev I.V. Inheritance contract: foreign experience and prospects of appearance in civil law of the Russian Federation // Russian justice. 2015. № 1. P. 6–9.
17. Kukharev A.E. The concept of an inheritance contract in the civil legislation of Ukraine // Inheritance law. 2016. № 3. P. 41–47.
18. Inheritance Law: article-by-article commentary to Articles 1110-1185, 1224 of the Civil Code of the Russian Federation / Ed. by E.Yu. Petrov. M.: M-Logos, 2018. Electronic edition. Edition 1.0. 656 p.